

УДК 81.1; 008:361

DOI: 10.17223/19986645/58/11

Д.И. Иванов, Д.Л. Лакербай

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ: МЕТАДИСЦИПЛИНАРНЫЙ «ДОМ ТЕОРИЙ»

Рассматривается оригинальная конфигурация «метадисциплинарного» знания, возникшая на основе оригинальных авторских теорий. В рамках антропоцентрической парадигмы, когнитивно-дискурсивного подхода и «поэтики субъекта» объединяются инновационные концепции синтетической языковой личности, когнитивно-прагматических программ, индивидуального стиля как продукта совместной «трансценденции» языка и человека, а также когнитивно-дискурсивная теория интерпретации. Традиционные «действующие лица» речевой (творческой) деятельности: автор (субъект творчества, субъект-источник) и читатель (зритель, слушатель, субъект-интерпретатор) – получают новое глубинное обоснование.

Ключевые слова: исследовательские стратегии; синтетическая языковая личность; когнитивно-прагматическая программа; когнитивно-прагматические установки; субъектно-языковое пространство

Наметившаяся еще в последние десятилетия XX в., после трудов Э. Бенвениста, Ю.С. Степанова, Ю.Н. Караулова, В.З. Демьянкова, Н.Д. Арутюновой, Е.С. Кубряковой и др. (см., например, работы [1–6]), актуализация антропоцентрического понимания лингвистической реальности привела к уже равноправному положению антропоцентрической парадигмы лингвистики среди прочих. Если «структуралисту язык виделся как естественно-научный объект, вне культуры и в отвлечении от людей, говорящих на нем» [3. С. 242], то в настоящее время инструментальность, системность и структурность языка становятся лишь частью многомерной лингвистической реальности в новом прочтении (модернизации) традиции: «Язык, по Гумбольдту, есть и **форма выражения содержания мысли**, и **само** это обретенное и сохраняемое **духовное содержание** и, наконец, **инструмент** для такого содержания» [7. С. 78]. Становление антропоцентрической парадигмы – процесс глобальный и многоплановый, восстанавливающий (ибо язык «принадлежит самому определению человека» [1. С. 293]) глубинные философские интуиции лингвистики – и в то же время выводящий ее к новому прочтению многих сторон человеческого бытия. Не случайно уже к концу XX в. оформилось несколько взаимосвязанных направлений в рамках лингвистической антропологической ориентации: «...лингвогносеология (когнитология), лингвосоциология, лингвопсихология, лингвоэтнология, лингвопалеонтология и, наконец, лингвокультурология, направленная на изучение взаимоотношений языка и культуры» [8. С. 29–30].

Опираясь на уже сложившуюся традицию словоупотребления, мы тем не менее не настаиваем на абсолютной корректности термина «антропоцентрическая парадигма» – здесь сейчас достаточно сложная ситуация. С одной стороны, как замечает В.З. Демьянков, само «использование термина *научная парадигма* – одно из первых проявлений антропоцентричной философии науки» [9. С. 16]. С другой стороны, согласно обобщению Т.Н. Хомутовой, лингвистическое научное сообщество использует этот термин по большей части в суженном варианте «дисциплинарной матрицы» [10. С. 143]. Когнитивисты по-своему расставляют «парадигмальные» акценты: антропологизм предстает скорее методологическим принципом глобальной когнитивно-дискурсивной парадигмы (как органичного синтеза когниции и коммуникации), в русле которой действуют различные направления современной лингвистики, отвечающие общим теоретическим и методологическим установкам: *экспансионизму* (выход лингвистики в междисциплинарное пространство); *антропоцентризму* (по-разному трактуемый учет человеческого, субъектного фактора в языке и мышлении); *функционализму* (в рамках противопоставления «формальное – функциональное» в лингвистических теориях); *экспланаторности* (стремление найти то или иное объяснение «и внутренней организации языка, и его отдельным модулям, и архитектонике текстов, и реальному осуществлению дискурса, и порождению и пониманию речи, и т.п.») [6. С. 208–223].

Думается, в ситуации актуальной междисциплинарности «парадигматический» сдвиг в лингвоориентированном гуманитарном познании может варьировать обличья в зависимости от дисциплинарного ракурса или профильной специализации той или иной части научного сообщества, и важнее здесь общие положения: «Язык настолько сложен и многоэлементен, что практически исчерпаем в выборе различных параметров и сечений при его описании и характеристике» [11. С. 54]; «Когнитивисты обречены на междисциплинарность <...> Только общими усилиями <...> можно ответить на вопросы о природе разума, об осмыслении опыта, об организации концептуальных систем» [3. С. 307]. «Общие усилия» означают и гибкость применяемых методик – соответствующих «гибкости и подвижности разных языковых форм, возможностей их динамических преобразований, способности приспосабливаться к нуждам коммуникации и условиям ее произведения» [12. С. 18]. Многомерность лингвистической реальности приводит к осознанию недостаточности «одномерного» подхода: «...изучать каждое языковое явление надо в его использовании – в тексте и дискурсе, а когнитивный подход должен быть дополнен дискурсивным анализом и наблюдениями за функционированием существующих форм и созданием новых» [Там же].

Антропоцентризм, как бы его ни постулировать, в применении к целостности и «текучести» языковых (речевых) явлений (аспектно сопряженных с глобальной философской проблемой субъекта) оказывается неразрывно связан с «интегральным» теоретическим подходом, который на уровне методологии и методики неизбежно должен приводить к появ-

лению комплексных (и глубже – синтетических) инструментов научной дескрипции. По этому пути идет лингвокультурология, объектом которой выступают конкретные факты культурного сознания, «взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в процессе его функционирования и изучение интерпретации этого взаимодействия в единой системной целостности» [13. С. 38]. Общий принцип этого взаимодействия прекрасно сформулирован В.Н. Телия: «...языковой знак, когда он выполняет роль «тела» для «концептов» языка культуры, выступает как знаковая их презентация в целом, но при этом языковой знак в пространстве системы языка не утрачивает своих «первоприродных» функций языковой номинации и коммуникации» [14. С. 93]. Язык становится полноправным участником культурного творчества, а «вершинной» категорией культурных и языковых процессов предстает человеческая личность. Принципиальными оказались введение и разработка понятия «языковая личность» как «совокупности способностей и характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов)» [15. С. 3].

Несводимость феномена языка (в его неразрывной связи со структурами сознания, с культурой, с реальной действительностью) к естественно-научной модели приводит – и это уже общее мнение – к полипарадигмальности исследовательских подходов, многообразию прочтений и интерпретаций объектов познания. Потребность в «интегральном» познании ставит вопрос о том, что естественно идущий процесс односторонней спецификации должен компенсироваться не просто интегративными связками, но «сквозными» теориями, способными работать не в меж-, а в *метадисциплинарности*, т.е. соответствовать критериям метаязыка для отдельных дисциплин. Метадисциплинарность – не «отмена», а видовое уточнение междисциплинарности в тех аспектах, где возможно более глубокое качественное обоснование последней (учитывая ее проблемный эпистемологический статус за пределами прикладной области и слабо разработанную эпистемологию (см.: [16. С. 6–14])).

Выражаясь метафорически, между крайностями – Сциллой прикладных исследований «по смежности» и Харибдой «большой» универсализирующей теории (каковой был, например, структурализм) – существует зона таких обобщений, которые *максимально* учитывают ключевые сопоставимые характеристики объектов. Соответственно, главным принципом метадисциплинарной теории должен быть не логизированный универсализм (универсальная схема безразлична к специфичности, оригинальности и органичности феномена), а характеристика *потенциала универсализации в самих разнородных объектах* – как их собственного неотчуждаемого плана, их эссенциальной характеристики. Это умеряет универсалистские претензии теории, позволяет варьировать конкретные методы и методики из ее совокупного арсенала сообразно изучаемому объекту, ставит акцент на эвристичности моделей (близость к вероятностному, «мягкому» интерпретативному типу), увеличивает возможности корректной научной дескрипции. Антропоцентризм является фундаментом эссенциальности для фено-

менов культуры и языка, а значит, новые «синтетические» научные направления на такой основе не только эвристичны в плане спецификации объекта, но и обладают значительным метадисциплинарным потенциалом. Осознание этого крепнет: так, И.В. Зыкова прямо говорит о двух возможностях понимания статуса лингвокультурологии – как автономной научной дисциплины со своей историей, структурой, проблематикой и как «метанаучного» («метагуманитарного») направления, объединяющего своей проблематикой науки гуманитарного цикла [17. С. 137–138].

Метадисциплинарный план, объединяющий предлагаемый ниже комплекс теорий, основан, однако, не на актуализации интересов самой лингвокультурологии, а на неустранимой кроссграничности *внутри* меж- и метадисциплинарного объекта – языка в его глобальном культурологическом измерении. Одновременное признание известной автономности научных дисциплин и огромного метадисциплинарного потенциала побуждает рассматривать результаты конкретных научных исследований в обоих аспектах, второй из которых требует осмыслить саму конфигурацию научного знания. Именно таким естественным путем возникла исследовательская стратегия, этапы которой можно представить в виде последовательности ключевых терминов: *антропоцентрическая парадигма* (АП) – *синтетический текст* (СТ; поначалу в изучении отечественной рок-культуры) – *синтетическая языковая личность* (СЯЛ; поначалу там же) – *когнитивно-прагматическая программа* (КПП СЯЛ, терминология Д.И. Иванова).

Понятие *синтетический текст* – подлинное коллективное открытие, потенциал которого стал ясен далеко не сразу. Оно возникло как результат попыток «роковедов» предложить научное описание синтетического феномена рок-произведения, не укладывающегося в узкие дисциплинарные рамки, разделив его по различным основаниям на составляющие, или «субтексты» (например, вербальный, музыкальный, пластический, визуальный [Там же. С. 19–20]; субтекстуальный, пограничный, метатекстуальный [18. С. 175–176]; аудиальные (музыкальный, шумовой, артикуляционный, вербальный) и визуальные субтексты (пластика тела, имиджевый, сюжетно-перформативный, сценографический и пр. [19. С. 78]). Так оформилась новая точка зрения на сложный объект: это текст с четкой внешней маркировкой своей гетерогенности и процессуальности, результат смешанного семиозиса. Сам термин имеет несколько аналогов (креолизованный, полисемиотический, интермедиаальный, синкретический и пр.), однако складывается научная традиция (см. [18–21]) использования термина *синтетический текст* как наиболее корректного и эвристичного (ср.: «Характерная особенность рока – это изначальный синкретизм выразительных средств, нерасчленимость музыкального и поэтического, вокального и инструментального, композиторского и исполнительского» [22. С. 94] – словосочетание «изначальный синкретизм» некорректно, поскольку в рок-музыке мы имеем дело не с синкретизмом, а с программным синтезом).

В нашем понимании синтетический рок-текст – это целостная полисемиотическая система, стержнем которой является СЯЛ, структурно и се-

мантически организующая входящие в СТ субтексты как свои компоненты («горизонтальная» развертка СЯЛ). Если использовать терминологию М. Бахтина, различавшего внешний, композиционный порядок произведения как организованности материала и внутренний, архитектурный строй эстетического объекта [23], – субтекстуальная структура СТ отражает в основном его «внешний порядок», компонентный (материальный) состав и при самом подробном описании не дает нам ответа на главные вопросы. Литературоведение, даже подкрепленное культурологически, оказалось недостаточно эффективным при определении глубинных параметров СТ (междисциплинарность в силу своей многоракурсной описательности сама по себе не позволяет построить адекватную теоретическую модель пограничного объекта). Эта задача была решена в рамках созданной Д.И. Ивановым – на стыке литературоведения, лингвокультурологии и семиотики культуры – метадисциплинарной теории синтетической языковой личности, позволившей в деталях рассмотреть механизмы порождения синтетического рок-текста, специфику его субтекстуальной структуры и функционирования, предложить перспективную методику анализа СЯЛ и СТ [24, 25]. Рассмотрим кратко опорные положения теории СЯЛ.

Состоявшийся (обладающий полноценным эстетическим единством, воплощающий интенциональность художника) синтетический художественный текст (в рок-культуре – композиция, альбом, концертное выступление) возникает (реализуется) из своих субтекстов в исполнении, интерпретируется в диалоговом режиме (субъект-источник – субъект-интерпретатор). Поскольку рок-текст изначально, генетически рассчитан на аудиторию, субъект-интерпретатор должен моделироваться в его составе, однако «филологически» или в рамках внешнего, субтекстуального, порядка это сделать невозможно. Семиотическое понимание СТ позволяет рассматривать различные субтексты как произведения определенного «языка» (семиотической системы, вернее, «системы систем»); лингвокультурология, в свою очередь, дает возможность постулировать решающую роль *единой* языковой личности художника как опорной (внутренней) структуры всего, внешне «разноязыкого», произведения. Однако мы сталкиваемся сразу с несколькими концептуальными затруднениями.

Во-первых, опорная семиотическая модель Соссюра, предполагающая разграничение кода и сообщения, первичность языка (кода) как системы по отношению к речи, наличие бинарных оппозиций как основание значения, нуждается в корректировке с позиций современной антропо- и культуроцентричной лингвистики, так как культура – это не просто совокупность или система дешифруемых артефактов, но процесс и результат социокультурного семиозиса: «...культурология как наука, основанная на междисциплинарном, системно-комплексном анализе сложного, саморазвивающегося целого – человеческой культуры, должна в своем семиотическом аспекте связать по крайней мере три научно-исследовательских подхода: собственно семиотический, социокультурный (с учетом теоретической социологии), когнитивный» [26. С. 214–215].

Во-вторых, центральное для лингвокультурологии (и вызвавшее к жизни целое направление – лингвоперсонологию) понятие языковой личности детально разработано в системе *язык – речь – вербальный текст* (последний пусть и главный, но все же лишь один из субтекстов СТ).

В-третьих, несомненная, манифестируемая *процессуальность* СТ в роке (это текст, как правило, имеющий «бумажный след», но по сути *текст-исполнение*) выводит обе вышеназванные проблемы (семиозиса СТ и языковой личности творца СТ) в план *дискурсивности*.

Проблематика языковой личности (ЯЛ) в последние десятилетия развивалась во многих направлениях различными научными школами; в силу данного обстоятельства и многочисленных пересечений эти подходы могут получать несовпадающие наименования. Так, В.И. Карасик выделяет *психологический, социологический, культурологический, лингвистический* типы анализа языковой личности [27. С. 78–79]. Д.В. Аникин различает *психолингвистический, социолингвистический, лингводидактический, социально-психологический, лингвокультурологический* подходы (к примеру, лингводидактика и лингвокультурология различаются путями описания ЯЛ: в центре внимания первой находится «индивид как совокупность речевых способностей»; для второй предметом исследования становятся «национально-культурный прототип носителя определенного языка <...> если в первом случае ЯЛ представляется совокупностью ипостасей, в которых индивид воплощается в языке, то во втором – совокупность индивидов составляет образ ЯЛ» [28. С. 14–15]. Л.А. Хуранова группирует уже сами подходы: «1) реализуемые с точки зрения референции самой личности, то есть ее психологических, этнокультурологических, социологических показателей; 2) реализуемые с позиции особенностей языковой / речевой деятельности личности. <...> К первой группе относятся лингвокультурологический, этнолингвистический, психолингвистический и социолингвистический подходы. Ко второй – лингводидактический, когнитивный, лингвокогнитивный и лингвопрагматический аспекты изучения ЯЛ» [29. С. 76]. Развивая и обобщая идеи предшественников, Н.Д. Голев соотносит «устройство» языковой личности со структурой самого языка: «...принципы устройства ментально-психологического персонологического пространства и принципы системного устройства языка коррелятивны между собой»; лингвоперсонологическое пространство создается прежде всего «разнообразием ментально-языковых типов личностей <...> и тем непрерывным спектром, который это разнообразие формирует» [30. С. 20].

Соответственно, и сама «типология языковых личностей может строиться на различных основаниях» [31. С. 9], однако для нас важно другое: ЯЛ «теоретически открыта» за пределы языковой системности как «многослойная и многокомпонентная парадигма речевых личностей <...> Именно на уровне речевой личности проявляется как национально-культурная специфика ЯЛ, так и национально-культурная специфика самого общения» [32. С. 119]. Антропоцентризм и речевой план с необходимостью вводят проблематику языковой личности и проблематику дискурса в единое поле

исследований. По словам К.Ф. Седова, «срастание дискурсивной и антропоцентрической лингвистик, а точнее, вхождение дискурсивной лингвистики в состав антропоцентрического языкознания не случайно, ибо Homo loquens реализует себя прежде всего в создании речевых произведений, текстовой деятельности...» [33. С. 5]. Поэтому, например, В.И. Карасик в дополнение к уже названным подходам предлагает «анализ человека в языке с позиций того или иного дискурса, в котором человек участвует» [27. С. 79].

Понятие дискурса, представляющее собой рациональный синтез когнитивной и коммуникативной парадигм, выросло из многократно и по-разному осмысленного разграничения языка (системы) и речи (деятельности). Как писал В.А. Звегинцев, «единицы языка – абстрактные единицы <...> речь в противоположность языку всегда целенаправленна и ситуативно привязана. <...> Ситуация в речи есть обязательный компонент самой речи, придающий ей совершенно особый характер» [34. С. 218]. Поскольку языковая личность на деле оказывается речевой, крепнет мнение, что научный концепт *языковая личность* «потерял свой эвристический заряд в свете накопившихся разысканий в области анализа дискурса» [35. С. 30].

Определений дискурса множество, что связано и с «мультидисциплинарностью» понятия (использование в разных научных дисциплинах и научных школах), и с несовпадающими стратегиями исследователей. Так, многократно и с разной степенью успешности по различным оппозитивным критериям (или их комбинациям) сопоставлялись *текст* и *дискурс*: *письменный / устный, монолог / диалог, продукт / процесс, структурный / функциональный, статика / динамика* и пр. (см., например, [36, 37, 38]). Но влиятельна и аргументация в пользу «всеохватывающего» понимания дискурса (как любого сообщения), в связи с чем «текст остался словом обыденного языка, а дискурс стал специальным термином наук о человеческой духовности» [39. С. 50].

Не вдаваясь в эти споры, укажем лишь, что уже классическое простое определение дискурса Н.Д. Арутюновой («речь, погруженная в жизнь» [36. С. 137]) содержит не просто социокультурное измерение, но и возможность понимания дискурса как некоей отличной от языка (промежуточной) системности, организующей высказывание (текст) и представляющей своеобразный социальный «язык в языке»: «Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счете, – особый мир» [40. С. 42]. Для нас же принципиально важны, при всей разнице школ и стратегий, области их пересечения, позволяющие использовать термин в широком смысле. Такими областями являются, например, понимание зоны дискурса как совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов (установки, цели, мнения, оценки и т.п.); интерес к механизму порождения высказываний и производства текстов; системный план дис-

курса; многоплановая соотнесенность дискурса не только с категорией речи, но и с категорией знания: «По самой своей сути дискурс – явление когнитивное, то есть имеющее дело с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода и, главное, с созданием новых знаний» [41. С. 30]. В широком (неспециализированном) смысле термин может быть использован для характеристики как индивидуального (в пределе – авторского, писательского) коммуникативного акта, раскрытия его креативного потенциала, так и для описания «социального языка» в его ограниченности.

В свете дискурсивного подхода понятие языковой личности претерпевает в рамках теории СЯЛ двойную трансформацию. Во-первых, используется уже признанное в науке понятие дискурсивной личности, которая «представляет собой языковую личность, порождающую определенный дискурс в виде непрерывно возобновляемого или законченного, фрагментарного или цельного, устного или письменного сообщения. Эта личность действует в сфере производства сообщений и несет ответственность за их содержание» [42. С. 40]. Важно также, что язык в дискурсе функционирует как «когнитивная система, в которой человек участвует как языковая личность, трансформирующаяся в дискурсивную личность» [43. С. 456–457]. Потенциал понятия хорошо виден в разработке сразу двумя научными школами – волгоградской (В.И. Карасик) и воронежской (И.А. Стернин) – концепции лингвокультурных типажей (функционально обусловленных типов языковых личностей). Как указывает Л.Н. Синельникова, данная концепция представляет собой «развитие теории языковой личности в рамках культурологии, психологии, социологии, социолингвистики и синтезирует достижения этих наук. Факт синтезирования – весомый аргумент в пользу легимитизации научного концепта “дискурсивная личность”» [Там же. С. 459]. Однако есть и «но», из которого следует вторая трансформация – как базового понятия, так и его производного (дискурсивной личности).

Поскольку дискурсивная личность – «многопараметральный феномен», «гибкий конструкт, постоянно трансформируемый в ходе социального взаимодействия» [Там же. С. 462], то для полноценного ее описания требуется большой корпус текстов / массив данных мониторинга дискурсивных практик, и если в случае стандартизованных лингвокультурных типажей данные поставляют сами «социальные языки», то при обращении к субъекту художественного СТ мы сталкиваемся с многоаспектной проблемой: единицы современной когнитивно-антропоцентрической парадигмы – типаж, концепты, лингвокультуремы, фреймы, сценарии – объясняют прежде всего организацию «типового», а не индивидуально-неповторимого (распространенный термин «художественный концепт» указывает на индивидуально-субъектное, но косвенно, с точки зрения «поэтики культуры», а не «поэтики субъекта», т.е. не характеризуя саму структуру языковой / дискурсивной личности); авторитетная трехуровневая модель языковой личности (Ю.Н. Караулова) применима к художественному тексту, но недостаточно адаптирована к дискурсивности, осо-

бенно в случае СТ (модельно не представлены субъект-интерпретатор и невербальные субтексты).

Культурная (языковая) личность художника слова в лингвокультурологии обычно рассматривается сквозь призму концептов, поскольку эмоционально и интеллектуально переживаемый концепт – «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [44. С. 43]. Однако все ли «концепты языка культуры» вербальны в самом становлении и функционировании культурного феномена? Поскольку концепт – феномен когнитивный, *находящийся* выражение в языке, а не живущий *только* в нем, ответ очевиден – нет. Они *могут быть* вербализованы, но могут продуцироваться и развиваться в иных, невербальных семиотических зонах. Современная когнитивистика позволяет изначально развести когнитивное и языковое: «Сознание в онтогенезе и филогенезе формируется при участии языка, знаки которого служат материальными опорами обобщения в процессе образования концептов в сознании, однако само сознание в языке для функционирования не нуждается, осуществляется на универсальном предметном коде...» [45. С. 47]. Соответственно, *личностное* культуротворчество способно «продолжать» себя за пределы вербальности – таким образом, возникает *принципиальная возможность* воплощения по-новому понимаемой языковой личности в нелингвистических дискурсивных зонах. База такого понимания – антропоцентрическое измерение языка в единстве семиотического, когнитивного, дискурсивного.

Эффективный способ адаптации к СТ термина *языковая личность* и конкретизации понятия *дискурсивная личность* – сегментирование по конкретным зонам использования языка, т.е. выделение в структуре дискурсивной личности частных когнитивно-прагматических дискурсивных единиц. Такая единица и представляет собой *синтетическую языковую личность* (СЯЛ), поскольку *реализуется не исключительно в пространстве естественного языка, но в определенном локусе культуры и гетерогенна по своей природе*. Так, языковая личность рок-поэта реализуется в пространстве сразу нескольких культурных субтекстов – вербального, артикуляционного, музыкального, имиджевого и др. СЯЛ – самостоятельная когнитивно-прагматическая единица, обладающая специфической внешней (компонентной на основе субтекстов) и внутренней (уровневой) структурой и набором ключевых компетенций.

Устойчивая внутренняя структура СЯЛ состоит из трех уровней: а) лингво-семиотического (на этом уровне обозначается комплекс семиотических зон, попадающих в структуру синтетического текста, и определяются качественные особенности внешней – компонентной – структуры СЯЛ); б) когнитивно-прагматического (он включает в себя систему концептуально-когнитивных кодов, которые последовательно распределяются по семиотическим зонам синтетического текста и, соответственно, по компонентам внешней структуры); в) ассоциативно-интерпретационного (на этом уровне происходит вовлечение в структуру СЯЛ воспринимающего субъекта, который является конститутивным компонентом дискурсивного сознания СЯЛ).

Сочетание компонентного («горизонтального») и поуровневого (вертикального) описания структуры СЯЛ в функциональной специфике каждого уровня и компонента дает нам ответ на главные вопросы анализа. Реализация СЯЛ в пространстве синтетического рок-текста позволяет увидеть и описать не механический набор, но генетическое сращение и динамическое взаимодействие вербального, музыкального, артикуляционного и имиджевого компонентов, только в таком, «слитном», виде составляющих релевантную единицу «текста» рок-культуры. Понимание любого значимого элемента синтетического рок-текста как проявления моделирующей деятельности СЯЛ означает возможность программной семиотической интерпретации места и функции этого элемента, будь то закатанные рукава на концерте, «черный» грим (имеющий, к примеру, совершенно разный смысл внутри СЯЛ В. Цоя и К. Кинчева), ключевая фраза песни или деталь оформления обложки рок-альбома.

Результаты применения теории СЯЛ, наглядно показавшей, как именно возникает и работает авторский художественный синтетический текст, методологически оказались намного шире исходного объекта анализа. Так, пространство литературы изобилует нестандартными дискурсивными ситуациями, связанными с текстом или автором («уличный», «политический», «квартирный» или «стадионный» формат поэтического слова, феномен «потаенного» писателя и т.д.), однако привычные социология литературы и семиотика культуры, при всей своей разработанности, ориентированы все же больше на типичное, а не на индивидуально-стилевое. Например, проблемой для анализа (и поводом для полярных оценок) является модернистское жизнотворчество, если оно протекает не в исходно-типичном (символистском) варианте, а формирует уникальную поведенческую стратегию Сергея Есенина (в чьей судьбе, по точнейшему замечанию Б. Пастернака, «самоистребительно просящейся и уходящей в сказки», есть нечто «непреходящее» [46. С. 226]). Механическое отделение «стихов» от «легенды», «приемов» от «литературной личности», как это сделал Ю.Н. Тынянов в «Промежутке», проведя показательное «научное уничтожение» Есенина (см. [47]), есть теоретическое насилие над *синтетическим текстом* поэтической личности, субтекстами которого являются не только печатные стихотворения, но и судьба поэта, и драматизм воплощаемого им «хорового» лирического переживания слома эпох, и реализованный Есениным вариант национального поведения / антиповедения, и т.д. «Синтетична» по определению авангардная традиция. В целом же «мера синтетичности» языковой личности художника и оформленность его «синтетического текста» – новое пространство исследования (например, художник-«мифотворец» – а таковы многие гении и классики – по определению «синтетичен»), однако, чтобы в рамках статьи выпукло обрисовать оригинальность и эвристичность подхода по сравнению с традиционными «текстом жизни», «автобиографическим мифом» и пр., необходимо обратиться к главному звену – «ядерной» теории КПП, играющей в нашем «доме теорий» роль несущей опоры, каркаса.

Поскольку ядром структуры СЯЛ является когнитивно-прагматический уровень, эту структуру, обеспечивая целостность СЯЛ, выстраивает единая *когнитивно-прагматическая программа* (КПП) – своеобразная концептуальная матрица. Предварительный очерк теории КПП изложен в совместной монографии Д.И. Иванова и Д.Л. Лакербая «Теория субъектности текста и русская поэзия XX века» [48]. КПП – это особая система когнитивно-прагматических установок (КПУ), формирующихся в пространстве когнитивного сознания отдельной личности / определенной социальной группы / нации / народа. Согласно современным представлениям *когнитивное сознание* – наиболее корректный термин для характеристики сознания *вообще* в его *сущности*: оно «формируется в результате познания (отражения) субъектом окружающей действительности, а содержание сознания представляет собой знания о мире, полученные в результате познавательной деятельности (когниции) субъекта» [45. С. 46]. КПП 1) выступает в качестве ментально-когнитивной связки (т.е. в единстве ментального – национально-культурного типа мироощущения – и собственно когниции) между сознанием (как свойством мозга), мышлением (как деятельностью мозга, наделенного сознанием) и интеллектом человека (способностью рационального познания); 2) позволяет проводить системный анализ языкового и коммуникативного (индивидуального / коллективного (массового)) сознания; 3) дает возможность глубокого понимания процессов когнитивного взаимодействия субъектов разных типов (субъекта-источника – генератора КПП и субъекта-интерпретатора – воспринимающего и интерпретирующего сознания); 4) позволяет охватить все сферы актуализации когнитивно-прагматических интенций.

Полный цикл *моделирования* КПП (т.е. системно-типологического представления о характере когнитивных процессов, связанных с КПП) включает в себя пять основных этапов (*в реальности* количество этапов может варьироваться за счет их дублирования или перезапуска). Каждый этап воплощается на определенном уровне когнитивного сознания и реализуется последовательно, что обеспечивает целостность и устойчивость всей КПП.

Первый этап («подготовительный») реализуется на уровне «доязыкового», «доструктурного» чистого сознания, наличие которого связано с тем, что субстратом (нейрофизиологическим) мышления является не язык, а универсальный предметный код, уникально отражающий неповторимый чувственный опыт человека. Единицами этого кода являются «предметные чувственные образы, которые кодируют знания» [49. С. 39–40]. Здесь КПП предстает в предельно обобщенной, непсонифицированной, абстрактной форме (ментальный доструктурный прототип КПП, «растворенный» в стихийном информационном потоке когнитивно-ментальных информационных кодов).

На втором этапе в когнитивно-смысловой зоне языкового сознания происходит первичная персонификация и перекодировка (оформление) ментально-когнитивных первообразов, хотя по-прежнему сохраняется вы-

сокая степень абстрактности когнитивных единиц и сам субъект-источник еще не ощущает себя таковым. Однако уже здесь происходят процессы первичной дифференциации концептов и закладывается фундамент энергетической направленности КПП, определяя общий вектор ее развития: а) конструктивный; б) деструктивный; в) смешанный (синтетический) – конструктивно-деструктивный.

На третьем этапе, реализующемся в лексико-семантической когнитивной зоне языкового сознания, процессы персонификации, освоения и перекодировки множественных конфигураций смыслов концептуальных единиц условно (в модели) завершаются; все концептуально-смысловые единицы, воплощенные в вербальной или в любой другой знаковой оболочке, отождествляются с личностью субъекта-источника. Они становятся частью его когнитивного арсенала, используемого для моделирования когнитивно-прагматической программы, вторично перераспределяются в пространстве КПП (формирования центрального и периферического уровней КПП). Здесь же завершается процесс формирования системы когнитивно-прагматических установок СЯЛ.

Четвертый этап формирования КПП реализуется в коммуникативной зоне когнитивного сознания. Здесь активизируется процесс многоканальной трансляции, когнитивной передачи КПП от субъекта-источника (порождающего сознания) к одиночному / коллективному (групповому) субъекту-интерпретатору (воспринимающему сознанию). Процесс передачи КПП имеет двухступенчатую структуру (задействованы сразу обе когнитивные зоны языкового сознания субъекта-источника: концептуально-смысловая и лексико-семантическая, или, иными словами, целостно-смысловая и собственно-вербальная), поэтому, воспринимаемая конкретное значение той или иной группы знаковых (вербальных, музыкальных, артикуляционных, имиджевых) единиц, субъект-интерпретатор автоматически соприкасается с более сложным (абстрактным) концептуально-смысловым уровнем КПП субъекта-источника. Возможен эффект когнитивного полного / частичного замещения «своей» КПП на «чужую», т.е. субъект-интерпретатор может начать воспринимать ее как свою собственную (распространенная ситуация среди рок-фанатов).

В этот момент активизируется пятый этап формирования КПП, в рамках которого происходит смена статуса субъекта-интерпретатора, который отчасти сам становится субъектом-источником, продолжая процесс передачи (трансляции) КПП далее по субъектной цепочке – в трансформированной форме, модернизированной в рамках когнитивных интенций своей личности. Количество субъектов-источников-интерпретаторов не ограничено.

В полидискурсивном, полисемиотическом пространстве культуры последовательно складываются две взаимосвязанные подсистемы когнитивно-прагматических программ. К первой подсистеме относятся *метанарративные (универсальные) КПП* – базовые концепции, программы-источники, когнитивные образцы, «претендующие на универсальность,

доминирование в культуре и легитимирующие знание, различные социальные институты, определенный образ мышления и т.д.» [50. С. 459]. Ко второй – «производные» КПП. Они формируются в пространстве сознания субъекта-интерпретатора на базе метанарративных программ и представляют собой совокупность интерпретационных / реинтерпретационных версий КПП субъекта-источника. На базе одной метанарративной программы может образовываться как одна, так и несколько «производных» КПП, причем любая из них при определенных условиях может потенциально / реально изменять свое положение и приобретать статус метанарративной (универсальной). К таким условиям можно отнести: а) доступность для восприятия субъектом-интерпретатором; б) актуальность; в) масштабность (глубина содержания); г) эффективные комплексные (аудиальные, визуальные) способы трансляции (передачи субъекту-интерпретатору); д) магнетизм («заразительный» потенциал), способствующий глубокому проникновению в сознание субъекта-интерпретатора; ж) апелляция к архаическим, архетипическим, мифологическим первообразам, укорененным в сознании человека; з) благоприятные социально-политические и социокультурные характеристики эпохи, в пространстве которой создается КПП («попадание во время»), и некоторые другие.

Задумавшись над построением модели когнитивно-прагматического комплекса, определяющего структуру языковой личности художника и играющего решающую роль в его творческой самореализации, мы с необходимостью выходим к моделированию ведущих когнитивно-прагматических установок, которые относятся к разным аспектам этой самореализации. Сообразно этим аспектам и логике функционирования КПП можно выделить несколько типов КПУ: целевые, самоидентификационные (ролевые), инструментальные, оценочно-результативные.

Особое место в пространстве когнитивных систем КПП занимает подсистема целевых КПУ. Данная подсистема – это, во-первых, когнитивно-ментальный элемент, аккумулирующий все когнитивные процессы сознания / самосознания личности. Во-вторых, свойственная каждой личности «первопотребность», трансформация которой определяет специфику когнитивного роста человека. Сформированная система стратегических и тактических целевых КПУ имеет четкую энергетическую направленность: а) конструктивную; б) деструктивную; в) синтетическую (конструктивно-деструктивную). Концептуально-смысловое содержание стратегических целевых КПУ в процессе «жизненного цикла» КПП может трансформироваться, а количество – варьироваться. Ярким примером КПП, в основе которой лежит одна стратегическая целевая КПУ, является когнитивно-прагматическая программа А. Башлачёва «Истинный национальный поэт». Ее сущность состоит в стремлении сохранить в себе Свет, быть честным и тем самым доказать своей собственной жизнью / смертью (А. Башлачёв трагически погиб в феврале 1988 г.) каждую написанную строку: «Нужно научиться слышать себя. Этого нужно добиться. Это никогда не дается само <...> Нужно найти и удержать в себе Свет. <...> Я только этим и за-

нимаюсь. Все мои песни, все мои поступки направлены только на то, чтобы удерживать его» [51]. Покажем на примере Башлачёва основные моменты генезиса и функционирования КПП СЯЛ художника.

Башлачёв – художник с ярко выраженным и подчеркнутым национальным началом, т.е. мы смело можем говорить в данном случае о национально-специфическом типе КПП (НС КПП). В основе модели НС КПП лежит понятие «ментальность» («общая духовная настроенность, относительно целостная совокупность мыслей, верований, навыков духа, создающая картину мира и скрепляющая единство культурной традиции или какого-либо сообщества» [52. С. 88]) – по сути, фундамент для моделирования конкретных НС КПП. Русская НС КПП имеет одну ключевую особенность, давно замеченную и многократно интерпретированную (см. например, [53]). Это своеобразная двойственность, в основе которой лежит принцип единства и борьбы противоположных начал. Дистанция между гармонией и хаосом, любовью и ненавистью, деспотизмом и анархией, божественным (духовным) и бесовским иллюзорна; за каждой «конструктивной» категорией просматривается ее антипод; сама же постоянно доводимая до предела двойственность мыслится как судьбоносная (ср. хрестоматийное: «Но колы черти в душе гнездились, // Значит, ангелы жили в ней» [54. С. 186]) и – в пределе – «самоистребительная». В рамках воспринятой литературоведением семиотики культуры (с ее понятиями «автобиографический миф», «текст жизни», «текст смерти») судьба Башлачёва – это реализация романтико-неомифологической топике «полагающего себя в мерила жизни и жизнью за это расплачивающегося поэта» [46. С. 226]: «В контексте русской культуры башлачевский “текст смерти” укладывается в модель, которую можно обозначить как “текст смерти Поэта”. Башлачев в сознании аудитории устойчиво обозначается как Поэт. И в русской рок-культуре он единственный, кто и реализовал миф о жизни и гибели Поэта в соответствии с мифологической традицией и привнес в него новые смыслы» [55. С. 33]. Моделирование КПП СЯЛ Башлачёва позволяет получить ответы иного качества.

Дело в том, что «миф о жизни и гибели Поэта» здесь лишь самая внешняя канва. НС КПП А. Башлачева «Истинный национальный поэт» начинает формироваться в пространстве русской рок-культуры, но в большей степени ориентирована не на западные музыкально-поэтические песенные образцы, а на русскую высокую поэтическую традицию (Пушкина, Есенина, Блока, Высоцкого и др.), переосмысление которой идет под знаком поиска «своей», «естественной» формы выражения. Вот как А. Башлачев характеризует рок-движение 1980-х: «Мы путаемся в руках чужой формы <...> Карикатурным образом в текстах... Я подхожу к музыке, безусловно, с литературной точки зрения, с точки зрения идеи, цели, прежде всего» [56. С. 382]. Эту форму он ищет в пространстве русской национальной культуры, само «естество» которой требует *понимания* другого «естества», а не заимствования: «У нас богатая литература, богатая поэзия <...> Нужно корни немножечко почистить и из них исходить <...> На самом деле, ча-

штука и рок-н-ролл – я просто слышу, насколько они близки» [Там же. С. 389–390]. Он верен этим корням, используя на концертах браслет с колокольчиками, придающий его песням особую русскую национальную исповедально-трагическую тональность; в текстах Башлачева множество разнообразных русских национальных концептуальных кодов от отдельных образов («Эй, братва, чуєте печенками // Грозный смех русских колокольчиков» [Там же. С. 53] до использования частушечных форм стиха: «Хошь в ад, хошь – в рай, / Куда хочешь – выбирай. / Да нету рая, нету ада, / Никуда теперь не надо» [Там же. С. 118]. Движение от искусственных форм в сторону «корневого» естества определяет особую иррациональность НС КПП Башлачёва: базовым компонентом становится русское «корневое» стихийно-эмоциональное начало, основанное на просветленной / слепой вере человека в «чудо».

Эта НС КПП иррационально-«корневого» типа выглядит как целостная программа, однако на самом деле противоречива, что хорошо видно на уровне различных подсистем КПУ. Так, вышеназванная стратегическая целевая КПУ («найти и удержать в себе Свет»), как следует из того же интервью, тревожит поэта *постоянно*, забирая все больше и больше духовных сил. Он жаждет избежать малейшего отклонения в сторону, но сама целевая интенция (генетически стихийно-иррациональная) способна трансформироваться независимо от воли генератора КПП. Ее содержание то проясняется, то затемняется, расплывается, и возникает полициклическая нелинейная двухфазная структура, характеризующаяся целевой нестабильностью: «Позабыв, откуда, скачем кто куда...» [56. С. 73]; «Что ж теперь // Ходим круг да около // На своем поле, // Как подпольщики?» [Там же. С. 53]. Даже зная, в какую сторону надо двигаться, поэт не может преодолеть противоречивость (разнонаправленность) своего генетического (русского) кода.

После определения цели активизируется процесс формирования системы специфических *когнитивных инкарнаций* субъекта. Это не просто случайный набор художественных, сценических ролевых образов, получивших спонтанную актуализацию в поэтическом / прозаическом произведении, в тексте песни, на сцене, во время рок-концерта, а *глубоко осмысленная система когнитивных инкарнаций, генетически связанных с создающим (воплощающим) их субъектом*. Каждая инкарнация – это особый *устойчивый* психолого-когнитивный опыт духовной самоидентификации креативного субъекта (отчего и выбран соответствующий термин).

Ключевая самоидентификационная инкарнация (СИ) Башлачёва традиционна – «поэт» («На Второй Мировой поэзии / Призван годным и рядовым» [Там же. С. 114]). Однако концептуально воплощена она в двойной, конструктивно-деструктивной форме. Так, лирический герой-поэт *честен* (перед самим собой, своим призванием, перед людьми и миром, в котором он живет): «Я дышу и душу не душу. Я стараюсь не врать ни в песнях, ни в жизни, стараюсь не предать любовь» [Там же. С. 396], – но одновременно характеризует себя и коллег по року: «Вдоль стены бетонной – ветерки степные. // Мы тоске зеленой – племяши родные. // Нищие гурманы, лживые

сироты // Да горе-атаманы из сопливой роты» [56. С. 74]. Стремление к абсолютной честности оборачивается прямой констатацией осознанного самообмана – и в контексте иррационально-«корневой» русской двойственности категории «честность» и «ложь» не столько рационализируются, сколько экзистенциально переживаются как особое двуединое состояние.

То же самое можно сказать о других ключевых характеристиках лирического «я», выстраивающих основную СИ: 1) *стремлении жить любовью, так как она является основным источником жизненной и творческой энергии*; 2) *стремлении к внутренней (духовной) свободе*. С одной стороны, любовь – «это определяющая сила, самая великая сила» [Там же. С. 395–396]. С другой – на Руси она еретична и демонична, «испокон сродни черной ереси» [Там же. С. 142], и эти стороны нельзя уравновесить или примирить. Наделенная конструктивно-деструктивной семантикой, любовь и спасает душу поэта, и губит, разрушает ее: «Но я разгадан своей тетрадкой – // Топором меня в рот рубить! // Эх, вот так вот прижмет рогаткой – // И любить или не любить!» [Там же. С. 115]. Для А. Башлачева, как носителя русской корневой КПП, важна не конкретная форма любви (любовь-страсть, любовь-страх, любовь-грех, любовь-благодать, любовь-ненависть и т.д.), а эффект растворения в ней. Свобода же в рамках НС КПП А. Башлачева и русского самосознания в целом – это *воля* («Долго шли зноем и морозами. / Всё снесли и остались вольными. / Жрали снег с кашею березовой / И росли вровень с колокольнями» [Там же. С. 53]), которая имеет две основные органические формы выражения, связанные с особым аффективно-естественным состоянием русской души.

Во-первых, это *воля к рабству*, т. е. пассивность, терпение, смирение, покорность, слабость, беспробудное пьянство: «Ставили артелью – замело метелью. // Водки на неделю – да на год похмелья. // Штопали на теле. К ребрам пришивали. // Ровно год потели да ровно час жевали» [Там же. С. 73]; «Пососали лапу – поскрипим лаптями. // К свету – по этапу. К счастью – под плетями. // Веселей, вагоны! Пляс да перезвоны...» [Там же]. Движение к свету (ключевая целевая КПУ А. Башлачева), к счастью здесь не просто сравнивается, а отождествляется с этапированием заключенных.

Во-вторых, это *воля к бунту*, т.е. стремление к саморазрушению, бесконтрольность, широта души, удаль, безрассудство и бесшабашность, переходящая в беспамятство и безумие: «Шальное сердце руби в крошку! // Рассыпь, гармошка! // Скользи, дорожка! // Рассыпь, гармошка! // Да к плясу ноги! А кровь играет! // Душа дороги не разбирает! / Через сугробы, через ухабы... // Молитесь, девки. Ложитесь, бабы. // Ложись, кобылы! Умри, старуха! // В Ванюхе силы! Гуляй, Ванюха! // Танцуй от печки! // Ходи вприсядку! // Рвани уздечки! И душу – в пятку!» [Там же. С. 118].

Обе формы свободы (и *воля к рабству*, и *воля к бунту*) сливаются в единое целое и выражаются в виде особой концептуальной формулы, определяющей динамику развития НС КПП иррационально-«корневого» типа: «Гуляй, собака, живой куда! / Из песни – в драку! От драки к чуду» [Там же. С. 117]. Русское Чудо (квинтэссенция исканий русского само-

сознания) оказывается парадоксом на базе соединения несоединимого (например, «век жуем матюги с молитвами» [56. С. 54]). Потому и ключевая СИ «поэт» наделяется двойственной природой: «Но кто-то зевнул, отвернулся и разом уснул. / Разом уснул и поэтому враз развязалось / – Эй, завяжи! – кто-то тихо на ухо шепнул. / Перекрестись, если это опять показалось» [Там же. С. 110].

В рамках *подсистемы инструментальных КПУ* (когнитивный проект (план реальных / потенциальных, внутренних (духовных) / внешних (социально обусловленных) действий) субъекта-источника, направленный на успешную реализацию одной / нескольких стратегических целей КПП), активизируются те же самые процессы. Например, сущность одной из системообразующих инструментальных КПУ КПП А. Башлачёва такова: *поэт должен подтвердить, оправдать своей жизнью / смертью каждое написанное слово* («Это то же самое, что я говорю: надо прожить песню!» [Там же. С. 408]), что должно обеспечить целостность, неразрывное единство «творческой» и «реальной» биографии поэта и человека, помочь преодолеть пустоту искусственных форм выражения. Однако не сознание поэта управляет «корневыми» элементами его собственной программы, а система стихийных «корневых» кодов, таких как русская любовь, русская свобода, русская тоска и т.д., полностью контролирует его сознание. Поэтому возможна нейтрализация ключевой инструментальной КПУ поэта: «И можно песенку прожить иначе, // Можно ниточку оборвать. // Только вырастет новый мальчик // За меня, гада, воевать» [Там же. С. 114]. Нейтрализация КПУ отражается на состоянии конкретного субъекта-источника. Возможны два основных варианта: а) глубокий духовный кризис; б) безвременная гибель. Именно второе и случилось с поэтом.

На завершающем этапе становления КПП Башлачёва (*система оценочно-результативных КПУ*) очевидно уже не только предощущение гибели («Поэты идут до конца. И не смейте кричать им: – Не надо! // Ведь Бог... Он не врет, разбивая свои зеркала. // И вновь семь кругов беспокойного, звонкого лада // Глядят ему в рот, разбегаясь калибром ствола» [Там же. С. 127]), но и (как результат когнитивно-ментального опыта) понимание: противоречивость русской души невозможно преодолеть – это и есть ее «естество». Итог – основной принцип русской НС КПП: «Ставили на чудо – выпала беда» [Там же. С. 73]. Каждый, кто надеется на «чудо», должен быть готов встретиться с «бедой», так как в рамках этой когнитивно-концептуальной системы координат они неразделимы.

Важно отметить, что на условно завершающем этапе моделирования КПП сам субъект и воспринимающее сознание (фанаты, поклонники его творчества, критики, исследователи, биографы и т.д.) моделируют систему оценочно-результативных КПУ и определяют уровень и качество достижения цели. Существенно повышается роль воспринимающего сознания (субъекта-интерпретатора), который наравне с креативным субъектом (субъектом-источником) выступает в качестве создателя и ретранслятора КПП. Из этого следует, что КПП – это своеобразный целостный, динамический, когнитивно

обусловленный, моделируемый человеком проект собственной судьбы. Он является достаточно гибким и постоянно трансформируется, реагируя на изменения (психофизиологические, духовные, когнитивные, социальные и многие другие). Синтетическая природа КПП позволяет говорить о том, что специфика выстраивания проекта своей биографии определяется не только субъектом-источником (самой личностью), но и всеми субъектами, получившими статус субъекта-интерпретатора, т. е. людьми, которые в той или иной степени участвуют в жизни человека. Понятие КПП позволяет по-новому взглянуть на распространенные в науке вариативные конструкты типа «биографический миф», «автобиографический миф», «текст жизни», «текст судьбы» и т. п. Не отменяя их, моделирование КПП дает возможность провести более глубокий и точный анализ мифобиографических структур, равно как и их систематизацию (см., например, проводимое авторами моделирование КПП СЯЛ С.А. Есенина [57, 58] и И.А. Бродского [59, 60]).

Разработанную Д.И. Ивановым исследовательскую стратегию (назовем ее для краткости *стратегией А*) можно назвать «когнитивно-прагматической». Ее суть составляют проводимый на принципиально новых основаниях структурный анализ и «каркасное» моделирование лингвокогнитивного субъекта как такового. Сфера художественного предстает как частный случай реализации «стратегии А», однако глубина осмысления творческой речемыслительной деятельности позволяет соотнести многие положения «стратегии А» и со сферой художественного. Литературоведческая проекция «стратегии А» позволяет дать «глубинное» (когнитивно-дискурсивное), а не внешнее описание всего социокультурного «поля литературы» и результатной (воплощенной в синтетическом тексте) стратегии автора-творца, фактически закона его творческого (жизнетворческого) пути (в той мере, в которой его возможно интерпретировать).

«Стратегию Б» можно условно назвать стилевой. Ее смысл – собственно литературоведческая проекция всего нового знания о лингвокогнитивном субъекте. «Стратегия Б», разрабатываемая Д.Л. Лакербаем, многообразно используя это новое структурно-компонентное знание, соединяет его с герменевтикой «органической» стилевой традиции.

Стилевая концепция Д.Л. Лакербая изначально создавалась независимо от исследований Д.И. Иванова, но в процессе формирования получила мощный импульс от них: оказалось, что в основе обеих стратегий лежат антропоцентрическая парадигма и четкая ориентация не на компонентную «поэтику культуры», но на субъекта речи (текста, художественного текста) как «субъекта» произведения, в конечном счете – на «поэтику субъекта» (отсюда и название совместной монографии). К тому же результаты исследований Д.И. Иванова оказались ответами на некоторые важные, но проблематичные в рамках первоначальной концепции вопросы. В самом кратком виде начальная логика концепции Д.Л. Лакербая состоит в следующем.

Индивидуальный стиль – «неопределенная определенность», не уловимая целиком в сети радио, но безошибочно различимая читателем. Стремление любой ценой «осистемить» стиль возвращает к традиции риториче-

ского его понимания (стиль есть «украшение»), что в итоге дает основания вообще «списать» саму категорию (как это произошло у многих западных теоретиков). Противоречие между феноменом индивидуального стиля и его научной моделью должно быть осознано как неснимаемое, но продуктивное, требующее особого подхода: ведь уникальность является его единственным дифференцирующим качеством (индивидуальный стиль либо уникален, либо его нет, а есть та или иная вариация того или иного «большого стиля»). Любое типологизаторство, не ставящее во главу угла эту уникальность, рискует потерять предмет исследования и рассматривать системность (любой сложности), которая не будет стилем или, в лучшем случае, будет представлять собой его «языковой след».

Последнее относится к популярной сегодня лингвистической поэтике с ее промежуточной категорией идиостиля, которую сами лингвисты не очень внятно отличают от беспорно лингвистической категории идиолекта (см. [61]). Эстетический объект (результат рецепции / интерпретации) заменяется лингвоподобным каркасом, а введение терминологической пары *идиолект / идиостиль* есть, по сути, попытка представить лингвистически ощутимую специфичность художественного текста как системный языковой феномен. Но между языком в обычном (хоть узусном, хоть окказиональном) применении и «языком писателя» разница качественная, а не количественная: последний представляет собой *другое* языка (иначе нет никакой уникальности, и стиль писателя-гения гомогенен стилю умелого журналиста). Чем может быть *другое* языка – вот как должен звучать вопрос к идиостилю. Без переноса сути вопроса на метаязыковой по отношению к лингвистике и литературоведению уровень философии языка и литературы корректно описать переход к идиостилю невозможно. Философия же стиля должна вырастать из постулатов: а) его уникальности; б) решающей важности перехода *личность – текст личности*, т.е. «трансцендирования» субъекта-личности в субъектно-лично «сказанный» (зафиксированный), но в то же время «сказываемый» (неостановимый в своем становлении, дискурсивный) текст, требующий для своего (неожиданного) воплощения «возврата» субъекта в лице читателя (субъект-источник через Язык своеобразно «реинкарнируется» в субъекте-интерпретаторе; стиль – это уровень эстетического объекта, а не запертой под книжной обложкой словесной матрицы; без читателя полноценный эстетический объект, т.е. *стильная реинкарнация*, неосуществим.

Опустим дальнейшее изложение концепции (она представлена в выше-названной совместной монографии), отметив лишь глубинное «пересечение» стратегий А и Б. Так, единым для обеих оказывается представление о языке (не инструменте, но «месте», «просвете» бытия) – при этом стиль предстает *уникальной реализацией* творящим субъектом-источником своей КПП в особом субъектно-языковом пространстве, пространстве сотворчества языка и человека (этим снимается едва ли не главное препятствие – дуализм языкового «материала» и эстетического объекта). Поскольку творчество предстает как совместный субъектно-языковой процесс, а стиль

как результатная субъективность текста, то место привычного «образа автора» занимает результатный языковой субъект как индивидуально-языковая (стилевая) персона, которой не столько можно «приписать», «инкриминировать» текст, сколько она сама приписана и инкриминирована тексту, имманентна ему как в его «матричности», так и в его дискурсивности (интерпретативной деятельности реципиента). Как уже понятно, это и есть языковая личность, увиденная глазами литературоведа. Она становится важнейшим стилевым определителем, и принципиальной характеристикой являются характер и мера синтетичности этой языковой личности.

На своеобразном «перекрестке» стратегий А и Б расположена формирующаяся дискурсивная теория интерпретации. Наличие в теории СЯЛ ассоциативно-интерпретационного уровня означает, что синтетический текст по-настоящему живет в контакте со своей аудиторией, что субъект-источник синтетического текста в рамках своей КПП стремится так или иначе задать тип интерпретации, но субъект-интерпретатор («программно» входящий в структуру СЯЛ) в соучастии или «борьбе» с этим воздействием превращает данный процесс в вероятностный. Мы встречаемся с *новым теоретическим описанием старой проблемы филологии – характеристики и оценки интерпретации, и интерпретация здесь через КПП СЯЛ заложена в структуру текста, продолженного за пределы вербальности*. Интерпретация, в нашем понимании, есть явление дискурсивное, и очень ясно это видно как раз в ситуациях нестандартной или несовпадающей (автора и интерпретатора) дискурсивности. Если у интерпретатора-исследователя, к примеру, есть неприятие или непонимание реализованной в тексте КПП, возникает, как мы это называем, «программная ошибка» интерпретации, дискурсивная подмена, одной из причин которой вполне может являться скрытая синтетичность текста. Замечательный пример высококвалифицированной «мимо»-интерпретации – «О гении и злодействе, о бабе и всероссийском масштабе (Прогулки по Маяковскому)» А.К. Жолковского [62].

Дистанцируясь от «личности» поэта при помощи каталогизации его «футуристического садизма», «верба избиенди», «верба плеванди», «союза с кровавой диктатурой», исследователь таким образом заявляет о «научной объективности», однако сама «неприятная» фигура «имплицитного автора» – результат недвумысленно заявленного ракурса интерпретации («демифологизация», разоблачение, что означает и программную идеологическую установку, компонент КПП языковой личности интерпретатора). Жолковский отказывается от «мифов» – а на самом деле как раз от той дискурсивной (и исторической, и эстетической, и человеческой) реальности, в которой и возможно герменевтическое «распредмечивание смыслов», ведущее к пониманию сокрушительной творческой мощи Маяковского. «Отказ от мифа» проведен под знаком некоей «нормы», которую твердо знает Жолковский и которая превращает «демифологизацию» в литературоведческую сатиру на «классового врага». Это не логика художественности, но риторическая логика прокурора (в основе которой идеологизированная КПП), убежденного в безупречности *локуса интерпретато-*

ра (кто поспорит с общечеловеческими истинами?), *локуса интерпретации* (кто поспорит с точностью «академического знания») и нейтральной объективностью профессионального языка?), *ракурса интерпретации* (кто усомнится в необходимости развенчания «советских классиков?»), *фокуса интерпретации* (вы еще сомневаетесь в том, что «М.» – маньяк и террорист?). «Художественный объект», который должен получить дескриптивную характеристику, подменяется авторским конструктом по принципу «вычитания» уникальности, а не «вычитывания». «Академизм» оказывается вычитанием поэта из эпохи, эпохи из поэта, судом «бюргерского» времени над «героическим».

Объединение стратегий А и В позволяет эскизно оформить новую конфигурацию знания внутри антропоцентрической парадигмы – меж- и метадисциплинарный «дом теорий», связанных с проблемами субъектности текста. Расширяя круг разговора и «перенастраивая» в этих рамках различные по своему происхождению исследовательские принципы и инструменты, мы выходим не просто к языковой личности, но к личности дискурсивной, способной реализовываться на всем «текстоцентричном» пространстве культуры, а не только в зоне вербальности. Автор (субъект творчества, субъект-источник) и читатель (зритель, слушатель, субъект-интерпретатор) получают глубинное обоснование, которое потенциально содержит огромные возможности для самых разнообразных исследовательских концепций.

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М. : Прогресс, 1974. 448 с.
2. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: (Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства). М. : Наука, 1985. 335 с.
3. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века. М., 1995. С. 239–320.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987. 263 с.
5. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. М. : Наука, 1988. 341 с.
6. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века: опыт парадигмального анализа // Язык и наука конца 20 века. М., 1995. С. 142–238.
7. Постовалова В.И. Язык и миропостижение: философия языка В. фон Гумбольдта и когнитивная лингвистика // С любовью к языку : сб. науч. тр. Москва ; Воронеж, 2002. С. 72–89.
8. Постовалова В.И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 25–33.
9. Демьянков В.З. Термин *парадигма* в обыденном языке и в лингвистике // Парадигмы научного знания в современной лингвистике : сб. науч. тр. М., 2006. С. 15–40.
10. Хомутова Т.Н. Научные парадигмы в лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 35 (173). Филология. Искусствоведение. Вып. 37. С. 142–151.
11. Лыкова Н.А. Континуальное и дискретное в языке // Филологические науки. 1999. № 6. С. 54–62.
12. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения: Роль языка в познании мира. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

13. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология (теория и методы). М. : Изд-во РУДН, 1997. 331 с.
14. *Телия В.Н.* Объект лингвокультурологии между Сциллой лингвокреативной техники языка и Харибдой культуры // С любовью к языку : сб. науч. тр. Москва ; Воронеж, 2002. С. 89–97.
15. *Караулов Ю.Н.* Предисловие: Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М., 1989. С. 3–8.
16. *Касавин И.Т.* Введение // Междисциплинарность в науках и философии / отв. ред. И.Т. Касавин. М., 2010. С. 3–14.
17. *Зыкова И.В.* Лингвокреативность с позиции лингвокультурологии: теория, метод, анализ // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / отв. ред. серии В.В. Красных, А.И. Изотов. М., 2016. Вып. 53. С. 136–151.
18. *Свиридов С.В.* Рок-искусство и проблема синтетического текста // Русская рок-поззия: текст и контекст. Тверь, 2002. Вып. 6. С. 5–32.
19. *Иванов Д.И.* Рок-альбом 1980-х годов как синтетический текст: Ю. Шевчук «Пластун». Иваново : Епишева, 2008. 196 с.
20. *Гавриков В.А.* Русская песенная поэзия XX века как текст. Брянск : Брянское СРП ВОГ, 2011. 634 с.
21. *Доманский Ю.В.* Вариативность и интерпретация текста (парадигма неклассической художественности) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 494 с.
22. *Сыров В.Н.* Стиливые метаморфозы рока, или Путь к «третьей музыке». Н. Новгород : ННГУ, 1997. 209 с.
23. *Бахтин М.М.* К вопросам методологии эстетики словесного творчества: I. Проблема формы, содержания и материала в словесном художественном творчестве // Собр. соч. : в 7 т. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов / ред. С.Г. Бочаров, Н.И. Николаев. М., 2003. С. 265–325.
24. *Иванов Д.И.* Теория синтетической языковой личности : в 2 т. / Гуандунский ун-т междунар. исследований (Китай). Т. 1: Логоцентрическая модель синтетической языковой личности: структура и общие вопросы (на материале русской рок-культуры). Иваново : ПресСто, 2016. 360 с.
25. *Иванов Д.И.* Теория синтетической языковой личности : в 2 т. / Гуандунский ун-т междунар. исследований (Китай). Т. 2: Логоцентрическая модель синтетической языковой личности: компонентная структура, система концептов (на материале русской рок-культуры). Иваново : ПресСто, 2017. 296 с.
26. *Фадеева И.Е.* Культурная идентичность как семиотическая проблема // Фундаментальные проблемы культурологии : в 4 т. Т. 1: Теория культуры / отв. ред. Д.Л. Спивак. СПб., 2008. С. 214–222.
27. *Карасик В.И.* Дискурсивная персонология // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж, 2007. Вып. 7. С. 78–85.
28. *Аникин Д.В.* Исследование языковой личности составителя «Повести временных лет» : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 205 с.
29. *Хуранова Л.А.* Типология языковой личности в отечественной и зарубежной лингвистике // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 5. С. 75–80.
30. *Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение* / под ред. Н.Д. Голева, Н.В. Сайковой, Э.П. Хомич. Барнаул ; Кемерово : БГПУ, 2006. 435 с.
31. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
32. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. М. : Академия, 2001. 183 с.
33. *Седов К.Ф.* Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М. : Лабиринт, 2004. 320 с.
34. *Звегинцев Вл.А.* Язык и лингвистическая теория. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 248 с.

35. Баранов А.Г. Семиотическая личность: кодовые переходы // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности : тез. докл. XV Междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва ; Калуга, 2006. С. 30–31.
36. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136–137.
37. Сусов И.П. Введение в языкознание : учеб. для студ. лингв. и филол. специальностей. М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. 379 с.
38. Чернявская В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс: Проблемы экономического дискурса : сб. науч. тр. СПб., 2001. С. 11–22.
39. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обывденного языка // Язык. Личность. Текст : сб. ст. к 70-летию Т.М. Николаевой / отв. ред. В.Н. Топоров. М., 2005. С. 34–55.
40. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и Принцип причинности // Язык и наука конца 20 века. М., 1995. С. 33–71.
41. Кубрякова Е.С. О термине «дискурс» и стоящей за ним структуре знания // Язык, личность, текст : сб. ст. к 70-летию Т.М. Николаевой. М., 2005. С. 23–33.
42. Плотникова С.Н. Говорящий / пишущий как языковая, коммуникативная и дискурсивная личность // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2008. № 4. С. 37–42.
43. Синельникова Л.Н. О научной легитимности понятия «дискурсивная личность» // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. 2011. Т. 24 (63), № 2, ч. 1. С. 454–463.
44. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М. : Академический проект, 2004. 992 с.
45. Стернин И.А. Коммуникативное и когнитивное сознание // С любовью к языку : сб. науч. тр. Москва ; Воронеж, 2002. С. 44–52.
46. Пастернак Б.Л. Охранная грамота // Полн. собр. соч. : в 11 т. Т. 3: Проза / сост. и коммент. Б. Пастернака, Е.В. Пастернак. М., 2004. С. 148–238.
47. Тынянов Ю.Н. Промежуток // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 168–195.
48. Иванов Д.И., Лакербай Д.Л. Теория субъектности текста и русская поэзия XX века. Иваново: ПресСто, 2017. 336 с.
49. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. 314 с.
50. Коротченко Е.П. Метанаррация // Постмодернизм : энцикл. / под ред. А.А. Грицанова, М.А. Можейко. Минск, 2001. С. 459–461.
51. Башлачёв А. Беседа А. Башлачёва с А. Шипенко и Б. Юхановым. «Было бы содержание – формы придут». URL: <http://bashlach.chat.ru/int04.htm>
52. Косов А.В. Ментальность как мировоззренческая система и компонента мифознания // Методология и история психологии. 2007. Т. 2, вып. 3. С. 75–90.
53. Бердяев Н.А. Душа России // Бердяев Н.А. Судьба России. М., 2008. С. 7–22.
54. Есенин С.А. Полное собрание сочинений : в 7 т. Т. 1: Стихотворения / подгот. текста и коммент. А.А. Козловского. М. : Наука : Голос, 1995. 672 с.
55. Доманский Ю.В. «Тексты смерти» русского рока: пособие к спецсеминару. Тверь: ТвГУ, 2000. 109 с.
56. Александр Башлачев. Человек поющий: Стихи, биография, материалы / сост. Л. Наумов. СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2010. 480 с.
57. Иванов Д.И., Лакербай Д.Л. Феномен С.А. Есенина как синтетический текст: предварительные замечания // Новый филологический вестник. 2018. № 1 (44). С. 127–137.
58. Иванов Д.И., Лакербай Д.Л. Когнитивно-прагматическая программа языковой личности С. Есенина: подсистема целевых установок // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3 (81), ч. 1. С. 20–24.

59. Иванов Д.И., Лакербай Д.Л. Логоцентрическая программа языковой личности И. Бродского: предварительные замечания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7 (73), ч. 1. С. 24–27.

60. Иванов Д.И., Лакербай Д.Л. Когнитивно-прагматическая программа языковой личности И. Бродского: система целевых установок // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12 (78), ч. 2. С. 29–32.

61. Иванов Д.И., Лакербай Д.Л. Текст, стиль, идиостиль в лингвистике и литературоведении: замечания к привычному // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4 (70), ч. 2. С. 18–22.

62. Жолковский А.К. О гении и злодействе, о бабе и всероссийском масштабе: (Прогнулки по Маяковскому) // Жолковский А.К. «Блуждающие сны» и другие работы. М., 1994. С. 247–275.

The Anthropocentric Paradigm of Modern Liberal Arts: A Metadisciplinary “House of Knowledge”

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 58. 168–195. DOI: 10.17223/19986645/58/11

Dmitry I. Ivanov, Guangdong University of Foreign Studies (Guangzhou, China); Ivanovo State University (Ivanovo, Russian Federation). E-mail: Ivan610@yandex.ru

Dmitry L. Lakerbai, Ivanovo State University (Ivanovo, Russian Federation). E-mail: lakomotion@yandex.ru

Keywords: research strategies, synthetic language personality, cognitive-pragmatic program, cognitive-pragmatic sets, subject-language space.

This article considers the original configuration of “metadisciplinary” knowledge that appeared based on original authors’ theories. The focus is on their individual prospects as well as on the “integral” potential due to the rootedness in the basic principles of modern liberal arts: anthropology, cognition, discursiveness. By the example of authors’ theories, the flexibility and variability of the “synthetic” methodology are demonstrated.

The variant of metadisciplinary proposed in the article proceeds from the cross-borderiness within the metadisciplinary object – language in its global cultural dimension. Two research strategies as the components of this variant (the “house of theories”) are described here.

The cognitive-pragmatic strategy A includes two original concepts and develops in the following coordinates: anthropocentric paradigm (AP) – synthetic text (ST) – synthetic language personality (SLP) – cognitive-pragmatic program (CPP). The basic concept is the SLP theory originated as a methodological support for the study of the synthetic text of the Russian rock culture, but it turned out to be much broader than the original object of analysis and applicable to the analysis of synthetic texts of all types, as well as in cases of non-standard discourse. The logically necessary basis for further research is the theory of cognitive-pragmatic programs that allows carrying out systemic structural, cognitive, conceptual and semantic analysis of linguistic and communicative consciousness, to deeply reveal the processes of cognitive interaction between the subject-source and the subject-interpreter.

The meaning of the style strategy B is the literary projection of all new knowledge about the linguistic cognitive subject. The strategy combines this structural-component knowledge with the hermeneutics of the “organic” style tradition. The idea of language is common for both strategies, while the style appears as a unique realization by the creative subject-source of its CPP in a special subject-linguistic space, the space of co-creation of a language and a person. The place of the habitual “image of the author” is taken by the resultant linguistic (stylistic) subject – the language personality through the eyes of a literary critic.

The “crossroads” of strategies A and B is a discursive theory of interpretation. The presence in the SLP theory of an associative-interpretational level means that the synthetic

text really lives in contact with its audience, that the subject-source of the synthetic text within its CPP seeks to set the type of interpretation somehow, but the subject-interpreter turns this process into a probabilistic one. Interpretation here through the SLP CPP is embedded in the structure of the text, which is extended beyond the verbal limits. If the interpreter-researcher has an aversion or misunderstanding of the CPP implemented in the text, then, perhaps, this is a “program error” of interpretation, a discursive substitution, one of the reasons for which may be the hidden synthetic text.

Thus, the anthropocentric paradigm, the cognitive-discursive approach and the “poetics of the subject” unite innovative concepts of the synthetic language personality, cognitive-pragmatic programs, individual style as a product of a joint “transcendence” of a language and a person, as well as a cognitive-discursive theory of interpretation.

References

1. Benveniste, E. (1974) *Obshchaya lingvistika* [Problems in general linguistics]. Translated from French. Moscow: Progress.
2. Stepanov, Yu.S. (1985) *V trekhmernom prostranstve yazyka: (Semioticheskie problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva)* [In the three-dimensional space of the language: (Semiotic problems of linguistics, philosophy, art)]. Moscow: Nauka.
3. Dem'yankov, V.Z. (1995) Dominiruyushchie lingvisticheskie teorii v kontse XX veka [Dominant linguistic theories at the end of the twentieth century]. In: Stepanov, Yu.S. (ed.) *Yazyk i nauka kontsa 20 veka* [Language and science of the end of the 20th century]. Moscow: RSUH.
4. Karaulov, Yu.N. (1987) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and language personality]. Moscow: Nauka.
5. Arutyunova, N.D. (1988) *Tipy yazykovykh znacheniy* [Types of language meanings]. Moscow: Nauka.
6. Kubryakova, E.S. (1995) Evolyutsiya lingvisticheskikh idey vo vtoroy polovine XX veka: opyt paradigmal'nogo analiza [The evolution of linguistic ideas in the second half of the twentieth century: the experience of paradigm analysis]. In: Stepanov, Yu.S. (ed.) *Yazyk i nauka kontsa 20 veka* [Language and science of the end of the 20th century]. Moscow: RSUH.
7. Postovalova, V.I. (2002) Yazyk i miropostizhenie: filosofiya yazyka V. fon Gumbol'dta i kognitivnaya lingvistika [Language and worldview: W. von Humboldt's philosophy of language and cognitive linguistics]. In: *S lyubov'yu k yazyku* [With a love of language]. Moscow: IL RAS; Voronezh: Voronezh State University. pp. 72–89.
8. Postovalova, V.I. (1999) Lingvokul'turologiya v svete antropologicheskoy paradigmy (k probleme osnovaniy i granits sovremennoy frazeologii) [Linguoculturology in the light of the anthropological paradigm (to the problem of the bases and boundaries of modern phraseology)]. In: Teliya, V.N. (ed.) *Frazeologiya v kontekste kul'tury* [Phraseology in the context of culture]. Moscow: YaSK.
9. Dem'yankov, V.Z. (2006) Termin paradigma v obydennom yazyke i v lingvistike [The term ‘paradigm’ in everyday language and linguistics]. In: *Paradigmy nauchnogo znaniya v sovremennoy lingvistike* [Paradigms of scientific knowledge in modern linguistics]. Moscow: ISS RAS.
10. Khomutova, T.N. (2009) Nauchnye paradigmy v lingvistike [Scientific paradigms in linguistics]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Iskusstvedenie – Chelyabinsk State University Bulletin. Series: Philology. Art Criticism.* 35 (173):37. pp. 142–151.
11. Lykova, N.A. (1999) Kontinual'noe i diskretnoe v yazyke [The continual and the discrete in language]. *Filologicheskie nauki – Philological Sciences.* 6. pp. 54–62.
12. Kubryakova, E.S. (2004) *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechii s kognitivnoy tochki zreniya: Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge:

Towards the acquisition of knowledge about the language: Parts of speech from a cognitive point of view: The role of language in cognizing the world]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury.

13. Vorob'ev, V.V. (1997) *Lingvokul'turologiya (teoriya i metody)* [Linguoculturology (theory and methods)]. Moscow: RUDN.

14. Teliya, V.N. (2002) Ob'ekt lingvokul'turologii mezhdru Stsilloy lingvokreativnoj tekhniki yazyka i Kharibdoj kul'tury [The object of linguoculturology between the Scylla of linguocreative language technique and the Charybdis of culture]. In: *S lyubov'yu k yazyku* [With a love of language]. Moscow: IL RAS; Voronezh: Voronezh State University.

15. Karaulov, Yu.N. (1989) Predislovie: Russkaya yazykovaya lichnost' i zadachi ee izucheniya [Preface: Russian language personality and the objectives of its study]. In: Smel'ov, D.N. (ed.) *Yazyk i lichnost'* [Language and personality]. Moscow: Nauka.

16. Kasavin, I.T. (2010) Vvedenie [Introduction]. In: Kasavin, I.T. (ed.) *Mezhdistsiplinarnost' v naukakh i filosofii* [Interdisciplinarity in the sciences and philosophy]. Moscow: IPh RAS.

17. Zykova, I.V. (2016) Lingvokreativnost' s pozitsii lingvokul'turologii: teoriya, metod, analiz [Linguistic creativity from the perspective of linguoculturology: theory, method, analysis]. In: Krasnykh, V.V. & Izotov, A.I. (eds) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication]. Is. 53. Moscow: MAKSS Press.

18. Sviridov, S.V. (2002) Rok-iskusstvo i problema sinteticheskogo teksta [Rock art and the problem of synthetic text]. In: Domanskiy, Yu.V. & Kozitskaya, E.A. (eds) *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst* [Russian rock poetry: text and context]. Is. 6. Tver: Tver State University.

19. Ivanov, D.I. (2008) *Rok-al'bom 1980-kh godov kak sinteticheskij tekst: Yu. Shevchuk "Plastun"* [1980s rock album as synthetic text: Yu. Shevchuk "Plastun"]. Ivanovo: Episheva.

20. Gavrikov, V.A. (2011) *Russkaya pesennaya poeziya XX veka kak tekst* [Russian song poetry of the twentieth century as a text]. Bryansk: Bryanskoe SRP VOG.

21. Domanskiy, Yu.V. (2006) *Variativnost' i interpretatsiya teksta (paradigma neklassicheskoy khudozhestvennosti)* [Variability and interpretation of the text (the paradigm of non-classical artistry)]. Philology Dr. Diss. Moscow.

22. Syrov, V.N. (1997) *Stilevye metamorfozy roka, ili Put' k "tret'ey muzyke"* [Style metamorphosis of rock, or The way to the "third music"]. N. Novgorod: N. Novgorod State University.

23. Bakhtin, M.M. (2003) K voprosam metodologii estetiki slovesnogo tvorchestva: I. Problema formy, soderzhaniya i materiala v slovesnom khudozhestvennom tvorchestve [On the methodology of aesthetics of verbal creativity: I. The problem of form, content and material in verbal art creativity]. In: Bocharov, S.G. & Nikolaev, N.I. (eds) *Sobr. soch.: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols]. Vol. 1. Moscow: Iskusstvo.

24. Ivanov, D.I. (2016) *Teoriya sinteticheskoy yazykovoy lichnosti: v 2 t.* [The theory of a synthetic language personality]. Vol. 1. Ivanovo: PresSto.

25. Ivanov, D.I. (2017) *Teoriya sinteticheskoy yazykovoy lichnosti: v 2 t.* [The theory of a synthetic language personality]. Vol. 2. Ivanovo: PresSto.

26. Fadeeva, I.E. (2008) Kul'turnaya identichnost' kak semioticheskaya problema [Cultural Identity as a Semiotic Problem]. Spivak, D.L. (ed.) *Fundamental'nye problemy kul'turologii: v 4 t.* [Fundamental Problems of Cultural Studies: in 4 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Aleteya.

27. Karasik, V.I. (2007) Diskursivnaya personologiya [Discursive Personology]. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda – Language, Communication and Social Environment*. 7. pp. 78–85.

28. Anikin, D.V. (2004) *Issledovanie yazykovoy lichnosti sostavitelya "Povesti vremennykh let"* [The study of the language personality of the compiler of "The Tale of Bygone Years"]. Philology Cand. Diss. Barnaul.

29. Khuranova, L.A. (2017) A. Typology of Language Personality in domestic and foreign linguistics. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Vyatka State University*. 5. pp. 75–80. (In Russian).
30. Golev, N.D., Saykova, N.V. & Khomich, E.P. (eds) (2006) *Lingvopersonologiya: tipy yazykovykh lichnostey i lichnostno-orientirovannoe obuchenie* [Linguopersonology: types of language personalities and personality-centered learning]. Barnaul; Kemerovo: BSPU.
31. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.
32. Maslova, V.A. (2001) *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow: Akademiya.
33. Sedov, K.F. (2004) *Diskurs i lichnost': evolyutsiya kommunikativnoy kompetentsii* [Discourse and personality: the evolution of communicative competence]. Moscow: Labirint.
34. Zvegintsev, V.A. (2001) *Yazyk i lingvisticheskaya teoriya* [Language and linguistic theory]. Moscow: Editorial URSS.
35. Baranov, A.G. (2006) [Semiotic personality: code transitions]. *Rechevaya deyatel'nost'. Yazykovoye soznanie. Obshchayushchiesya lichnosti* [Speech activity. Linguistic consciousness. Communicating personalities]. Abstracts of 15th International Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory. Moscow; Kaluga: [s.n.]. pp. 30–31. (In Russian).
36. Arutyunova, N.D. (1990) Diskurs [Discourse]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sov. ents.
37. Susov, I.P. (2007) *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to linguistics]. Moscow: AST: Vostok – Zapad.
38. Chernyavskaya, V.E. (2001) Diskurs kak ob'ekt lingvisticheskikh issledovaniy [Discourse as an object of linguistic research]. In: *Tekst i diskurs: Problemy ekonomicheskogo diskursa* [Text and Discourse: Problems of Economic Discourse]. St. Petersburg: SPbSUEF.
39. Dem'yankov, V.Z. (2005) Tekst i diskurs kak terminy i kak slova obydennoogo yazyka [Text and discourse as terms and as words of an ordinary language]. In: Toporov, V.N. (ed.) *Yazyk. Lichnost'. Tekst* [Language. Personality. Text]. Moscow: YaSK.
40. Stepanov, Yu.S. (1995) Al'ternativnyy mir, Diskurs, Fakt i Printsip prichinnosti [Alternative World, Discourse, Fact and Principle of Causality]. In: Stepanov, Yu.S. (ed.) *Yazyk i nauka kontsa 20 veka* [Language and science of the end of the 20th century]. Moscow: RSUH.
41. Kubryakova, E.S. (2005) O termine “diskurs” i stoyashchey za nim strukture znaniya [On the term “discourse” and the structure of knowledge behind it]. In: Toporov, V.N. (ed.) *Yazyk. Lichnost'. Tekst* [Language. Personality. Text]. Moscow: YaSK.
42. Plotnikova, S.N. (2008) Govoryashchiy / pishushchiy kak yazykovaya, kommunikativnaya i diskursivnaya lichnost' [Speaker/writer as a linguistic, communicative and discursive personality]. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. 4. pp. 37–42.
43. Sinel'nikova, L.N. (2011) Scientific legitimacy of the notion “discursive personality”. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya: Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii – Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Series “Filology. Social Communications”*. 24 (63):2(1). pp. 454–463. (In Russian).
44. Stepanov, Yu.S. (2004) *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian culture]. 3rd ed. Moscow: Akademicheskii proekt.
45. Sternin, I.A. (2002) Kommunikativnoe i kognitivnoe soznanie [Communicative and cognitive consciousness]. In: *S lyubov'yu k yazyku* [With a love of language]. Moscow: IL RAS; Voronezh: Voronezh State University.
46. Pasternak, B.L. (2004) *Poln. sobr. soch.: v 11 t.* [Complete Works: in 11 vols]. Vol. 3. Moscow: Khud. lit. pp. 148–238.

47. Тунянов, Ю.Н. (1977) *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of Literature. Cinema]. Moscow: Nauka. pp. 168–195.
48. Ivanov, D.I. & Lakerbay, D.L. (2017) *Teoriya sub'ektivnosti teksta i russkaya poeziya XX veka* [The theory of subjectivity of the text and Russian poetry of the twentieth century]. Ivanovo: PresSto.
49. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2007) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow: AST: Vostok – Zapad.
50. Korotchenko, E.P. (2001) Metanarratsiya [Metanarration]. In: Gritsanov, A.A. & Mozheyko, M.A. (eds) *Postmodernizm: entsikl.* [Postmodernism: Encyclopedia]. Minsk: Interpresservis; Knizhnyy Dom.
51. Bashlachev, A. (1986) *Beseda A. Bashlacheva s A. Shipenko i B. Yukhanovym. "Bylo by sodержanie – formy pridut"* [A. Bashlachev's interview with A. Shipenko and B. Yukhanov. "If there is content, the form will come"]. [Online] Available from: <http://bashlach.chat.ru/int04.htm>.
52. Kosov, A.V. (2007) Mentality as outlook system and component of myth-consciousness. *Metodologiya i istoriya psikhologii – Methodology and History of Psychology*. 2 (3). pp. 75–90. (In Russian).
53. Berdyaev, N. (2008) *Sud'ba Rossii* [The fate of Russia]. Moscow: Eksmo. pp. 7–22.
54. Esenin, S.A. (1995) *Polnoe sobranie sochineniy: v 7 t.* [Complete Works: in 7 vols]. Vol. 1. Moscow: Nauka: Golos.
55. Domanskiy, Yu.V. (2000) "Teksty smerti" russkogo roka: posobie k spetsseminaru ["Texts of the death" of Russian rock: a manual for a special seminar]. Tver: Tver State University.
56. Naumov, L. (2010) *Aleksandr Bashlachev. Chelovek poyushchiy: Stikhi, biografiya, materialy* [Alexander Bashlachev. The Man Singing: Poems, Biography, Materials]. St. Petersburg: Amfora.
57. Ivanov, D.I. & Lakerbay, D.L. (2018) S.A. Yesenin's Phenomenon as a Synthetic Text: Preliminaries. *Novyy filologicheskiiy vestnik – New Philological Bulletin*. 1 (44). pp. 127–137. (In Russian).
58. Ivanov, D.I. & Lakerbay, D.L. (2018) Cognitive-pragmatic program of the linguistic personality of S. Yesenin: subsystem of target attitudes. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological sciences. Issues of Theory and Practice*. 3 (81):1. pp. 20–24. (In Russian).
59. Ivanov, D.I. & Lakerbay, D.L. (2017) The logocentric program of linguistic personality of J. Brodsky: preliminary remarks. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological sciences. Issues of Theory and Practice*. 7 (73):1. pp. 24–27. (In Russian).
60. Ivanov, D.I. & Lakerbay, D.L. (2017) Cognitive-pragmatic program of I. Brodsky's linguistic personality: the system of goals. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological sciences. Issues of Theory and Practice*. 12 (78):2. pp. 29–32. (In Russian).
61. Ivanov, D.I. & Lakerbay, D.L. (2017) Text, style, individual style in linguistics and literary criticism: comments to generally accepted concepts. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological sciences. Issues of Theory and Practice*. 4 (70):2. pp. 18–22. (In Russian).
62. Zholkovskiy, A.K. (1994) "Bluzhdayushchie sny" i drugie raboty ["Wandering dreams" and other works]. Moscow: Nauka, Vost. lit. pp. 247–275.